

Пушкин АС

1985

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Сергей СМЕРНОВ, председатель Комитета по проведению
Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии

В ЭТОМ году Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии проводится в девятнадцатый раз. По давней традиции он начинается в Пскове и Пушкинских горах. Его гостями станут известные советские поэты, ученые, артисты, многочисленные ценители русской литературы, зарубежные участники. Вновь окрестности Михайловского наполняются голосами поэзии. На разных языках мира зазвучат здесь слова любви и признания гению Пушкина.

Торжества проводятся также в Москве, Подмоскovie, Ленинграде, Калининe, Одессе, Кишиневе, «во глубине сибирских руд» — на БАМе, в других городах страны.

Свою живинку в проведение пра-

здника вносят многочисленные клубы книголюбов. В эти дни они организуют поэтические концерты, литературно-музыкальные композиции, экскурсии по памятным пушкинским местам, викторины, конкурсы чтецов. На заводах и предприятиях, в домах культуры и библиотеках развернуты уникальные выставки редких книг Пушкина, изданий, посвященных его жизни и творчеству, из личных собраний библиофилов.

А завершится Всесоюзный праздник поэзии в Москве возложением венков и цветов к памятнику поэту и большим литературным вечером.

К читателям пришли в эти дни новые издания произведений Пуш-

кина. Одно из самых значительных — первый том из трехтомника художественных произведений поэта, который выпускает почти одиннадцатимиллионным тиражом издательство «Художественная литература».

Пополнилась и Пушкиниана. Среди новых интересных изданий — двухтомник «Друзья Пушкина» (М.: Правда), книги И. Фейнберга «Читая тетради Пушкина» (М.: Советский писатель), В. Шубина «Дополнение к портретам» (М.: Знание), Л. Февчук «Портреты и судьбы» (Л.: Лениздат), Л. Черейского «Пушкин и тверской край» (М.: Московский рабочий) и другие.

ДИТА пауз и раздумий поэтического труда? Так называл искусствовед А. М. Эфрос рисунки Пушкина. Разбросанные по полям черновики, листов с заметками, записями, заготовками будущих творений, рисунки поэта отличаются нетрадиционностью, непохожестью на привычную профессиональную графику. Но даже непостоянство в таинства искусства живописи не оставят равнодушным эти портреты, наброски, зарисовки, иллюстрации к собственным сюжетам. Легкие, живые, ироничные, они полны экспрессии, едва сдерживаемого штрихом прорывающегося движения.

О таланте Пушкина — рисовальщика широкой читательской аудитории стало известно лишь во второй половине нашего века. Тогда из узкоспециальных публикаций рисунки поэта стали переходить на газетные полосы (так, автопортрет Пушкина из черновиков к «Евгению Онегину» конца октября 1823 года уже много лет воспроизводится на грифе «Литературной газеты»), стали публиковаться в журналах, появились на телеэкране, на страницах популярных и массовых изданий.

К признанным классическим и ставшим библиографической редкостью исследованиям А. М. Эфроса «Рисунки поэта» (М., 1930, 1933), «Автопортреты Пушкина» (М., 1945) и «Пушкин-портретист» (М., 1946), к трем изданиям интереснейшей работы Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (М., 1970, 1980, 1983) прибавилось немало новых.

«Мир Пушкина в его рисунках» — так удивительно точно определила Л. Керцелли в самом заглавии своей книги (издана «Московским рабочим» в 1983) то значение, которое приобрела графика поэта для сегодняшних его почитателей. Рисунки Пушкина интересны и тем, что они, по верному замечанию автора, дают новое знание о нем, позволяют иначе взглянуть на факты вроде бы

известные, но «в первую очередь они интересны и замечательны тем, что, являясь неотъемлемой частью пушкинского наследия, органически входят в сферу духовных его интересов и поэтических исканий, точнее сказать, — своеобразно их отражают».

Что же наиболее притягательно в многообразии портретов современников, зарисовок, иллюстраций? Конечно же, автопортреты. И книга Л. Керцелли не случайно начинается чрезвычайно любопытным этюдом «Удивительный автопортрет». В нем рассказывается о никогда прежде не атрибутированном

воображении может быть связан с «примеркой» на себя чужих обликов, с «вживанием» во внутренний мир других людей, предметов или даже «проигрыванием» разного рода телесных метаморфоз. Не потому ли Пушкин рисует себя то юношей, то старцем, то женщиной, а то безумцем, монстром, то в монашеском клобуке, или в образе «арапа», Робесьера, денди... Соглашаешься с Л. Керцелли, что автопортрет в облике коня, «вызывающий поначалу удивление и смущение, вслед за этим рождает в нас чувство такое психологически сложное, противоречивое и вместе с тем органиче-

Хотелось, чтоб и в описаниях автопортретам уделено было больше внимания...

По-иному, но также активно «работают» рисунки и автопортреты Пушкина в книге известного литературоведа Б. С. Мейлаха «Творчество А. С. Пушкина. Развитие художественной системы» («Просвещение», 1984). Здесь рисунки составляют зрительный ряд к мастерски проведенному, лаконичному и вместе с тем емкому анализу динамики пушкинского творчества. Автор поставил своей целью осветить саму логику развития пушкинской художественной мысли, принципов, которые сформирова-

школьной скамьи произведения, как совмещались в сознании поэта идеи, планы, как постепенно вызревали замыслы и шел поиск соответствующих масштабам мысли художественных форм. Такой рассказ без рукописей и рисунков оказался бы неполным.

И вот прочитана последняя страница с обращением автора к читателю не забывать, что «Пушкин — это целый мир, а познание мира бесконечно, это процесс непрерывных открытий...». Сам собой напрашивается вопрос, а сколько вообще рисунков в пушкинском наследии? Принято считать, что около двух тысяч. А автопортретов? На этот счет мнения расходились. Пушкинист Б. В. Томашевский полагал, что в рукописном фонде поэта свыше 50 автопортретов. В работах А. М. Эфроса упоминается о 66, причем 55 воспроизведено в книгах искусствоведа. Т. Г. Цявловская писала, что Пушкин рисовал себя более 50 раз. И вот новые данные. В очередном недавно появившемся выпуске «Временника пушкинской комиссии» (Л., 1985) Р. Г. Жуйковой опубликован каталог автопортретов Пушкина. В нем учтено 91 автопортретное изображение. Каталог, очень ценному не только для профессионалов, но и для широких читателей пушкинского таланта, предпослана краткая история изучения этого рода графики. Воспроизведены здесь и четыре автопортрета. Глядя на них, нельзя не согласиться с мнением Эфроса, что в самоизображениях Пушкина чувствуется «горячность повседневности, живого прикосновения к большему и малым фазам пушкинской судьбы».

Теперь остается с нетерпением ждать полного издания пушкинской графики и собрания автопортретов поэта.

Елена ВИСОЧИНА,
кандидат философских наук.

Автопортрет 1829 г.
Рисунки А. С. Пушкина в рукописи «Евгения Онегина», 1825 г.
Внизу справа П. А. Вяземский.

МИР ПУШКИНА В РИСУНКАХ

(т. е. не определенном) рисунке, на котором Пушкин нарисовал себя в облике... коня. Внимательно всматривается в воспроизведенный здесь же черновик рукописи стихотворения «Андрей Шенье», где среди начертанных рукой поэта лошадиных голов в нижнем левом углу отчетливо видим профиль со знакомыми «кудрявыми «арапскими» бакенбардами, с носом лошади и маленьким глазом, самым поразительным и непостижимым образом глядящим на нас его собственным, Александра Сергеевича Пушкина, взглядом». Среди графических изображений кони встречаются часто. Пушкин рисовал их поразительно «живыми», всегда в движении. Не раз и себя изображал он верхом. Но «вселение» в образ коня зачем? Почему? Автор книги тонко и любопытно рассуждает о возможных истоках и причинах поразительного «переселения» в облик животного. В этом рисунке — редкая возможность проследить материализацию глубинного хода творческого процесса.

Важнейший момент пуска в действие художественного

ски целостное, что оно может быть сопоставлено разве лишь с самым актом художественного творчества, вернее, с нашим в нем соучастием».

Быть может, это-то чувство и заставляет вновь и вновь обращаться к пушкинской автопортретистике. Рисунки, на которых поэт изобразил самого себя, помогают полнее и глубже постичь его натуру, а вместе с тем и творчество. Вот лишь два примера.

В издательстве «Советский художник» вышла книга Е. В. Павловой «А. С. Пушкин в портретах» (М., 1983). Она отличается от предыдущих работ по иконографии поэта не только тем, что более объемна и сопровождается интересными и точными описаниями. Особое восприятие этого труда во многом определяется тем, что том иллюстраций открывается именно автопортретами, как самыми достоверными свидетельствами о поэте. Начало придало особую доверительную тональность рассказу о портретах Пушкина. Зритель и читатель получил своеобразное «эталонное» представление о его облике, неприукрашенное, вернее, разноплановое.

ли его творческую систему. Потому не встретим в книге привычного деления творений поэта по жанровому и биографическому признакам. Воссоздается единая, внутренне целостная картина динамики художественного мышления. Мы узнаем, как создавались столь известные со-

